

Анатолий ГОРБАТЮК

" ...со слезами на глазах... "

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

...8 мая 1976 года с коллегами-строителями я сидел в прорабской ремонтно-строительного управления Одесского морского порта. Это был предпраздничный (а потому слегка укороченный) рабочий день. На одном из столов, застеленном газетами, стояла нехитрая закуска и, конечно, водка. На подоконнике хрипела старенькая "Спидола" — передавали всем нам до боли знакомые песни военных лет. Слегка "разогретье" "Столичной", мы оживленно беседовали и не слишком прислушивались к тому, что вещал приемник. "А сейчас, — сообщил диктор, — прозвучит песня Давида Тухманова на стихи поэта Владимира Харитоновича "День Победы". Народ в прорабской притих. Вот уже год, как эта прекрасная песня постоянно звучала во всех праздничных концертах и не сходила с экранов телевизоров, но продолжала трогать искренностью и теплотой. Когда прозвучали слова: "Это праздник со слезами на глазах", — я невольно усмехнулся, вызвав явное недоумение присутствующих. "Ты это чего? — повернулся ко мне бригадир сварщиков Феликс. — Песня не нравится?" И тогда я рассказал коллегам, чем вызвана моя совершенно неуместная, казалось бы, ухмылка.

— Это произошло, — неторопливо начал я свой рассказ, — ровно тридцать один год назад...

Это произошло ровно тридцать один год назад, 8 мая 1945 года. Я, семилетний вечно полуголодный пацан (восемь мне исполнится только в августе), изрядно намажая за день, до полного изнеможения гоняя тряпичный мяч со сверстниками. Вымыв ноги в тазике с подогретой на примусе водой, добрал до топчана, на котором мама расстелила мне постель и, пробормотав сидевшей за столом в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы маме обязательное "Спокойной ночи!", плюхнулся на топчан, мгновенно провалившись в сон. Мне опять приснилось война — свист падающих бомб, тревожные крики, чей-то плач... Но спал я недолго и проснулся от мамино плача. Со стороны порта отчетливо слышались оружейные выстрелы.

— Что случилось?! — вскопчил я на ноги. — Бомбежка?

— Нет, нет, сынок, — вытирая слезы и улыбаясь при этом, сказала мама, — всё в порядке! Конец войне! Слышишь, как в порту корабли салютуют? Скоро наш папка с фронта вернется!

Ну, улыбка — это понятно, от радости. Но слезы-то, слезы при чем?! Не понять мне этих женщин...

Открыв собственным ключом дверь, вошла Рита, моя старшая сестра. Она уже совсем взрослая, поступила в институт, будет, как мама, строителем.

— Ты слышала, Риточка? — бросилась к ней мама. — Война закончилась!

— Да, мамочка, уже знаю, мне только что дядя Леня сказал...

Дядя Леня — это наш дворник. Он откуда-то всё узнаёт раньше всех. Видно, работа у него такая.

Мы вышли во двор, куда высыпали буквально все жильцы нашего дома, выглянули на улицу. Со стороны порта по-прежнему раздавались выстрелы из орудий, то и дело в небо взвивались ракеты, и становилось светло, как днем.

...9 мая было объявлено нерабочим днем. Во дворе с утра стихийно возник местный праздник. Коля и Ванька, крепкие хлопцы, хулиганистые сыновья дяди Лени, вытащили во двор тяжеленный дубовый стол; тетя Феня, сварливая жена дяди Лени, накрыла его старенькой чистой клеенкой и установила в центре небольшую бутылку, до половины заполненную жидкостью с тревожным синеватым оттенком, и несколько граненых стаканов. У стола начали собираться соседи, каждый, несмотря на голодное время, приносил какую-то еду. Первым, страшно скрипя новенькими протезами, к столу подошел потерявший под Севастополем ноги Жора, еще совершенно трезвый. На его груди поблескивали орден Боевого Красного Знамени и медали. Он принес поллитровую банку хамсы (мы ее называли тьюлкой) собственного засола. Тетя Вера в ярком крепедешиновом платье и косынке, из-под которой выглядывали бигуди, принесла только-только испеченный малай (кекс из кукурузной муки), на поверхности которого кокетливо расположилось несколько изюминок.

Мама отправила со мной приготовленный вечером винегрет, сдобив его ложкой дефицитнейшего подсолнечного масла, но сама во двор не вышла: мы должны были участвовать в другом праздничном мероприятии. Ра-

но утром нас разбудил курьер из Облдоротдела, где работала мама, и передал ей просьбу начальника прийти пораньше для подготовки вечеринки (теперь бы сказали — "корпоратива") сослуживцев. Мама решила взять меня с собой. Ой, лучше бы я остался дома... Но обо всем по порядку.

Облдоротдел находился тогда в красивом здании на улице Франца Меринга (ныне — Нежинская), 65, угол улицы Льва Толстого. Когда-то это был доходный дом Шполянско-го, построенный по проекту архитектора Юрия Серадского в 1892 году.

Начиналось все хорошо. Некоторые сотрудники пришли с детьми, и набралось их (т. е. нас) человек шесть — семь, пацаны и одна девчонка. Взрослые уселись за сдвинутые рабочие столы, которые предварительно были накрыты ненужными чертежами, уложенными чистой стороной вверх и прищипленными кнопками. Перед этим нас накормили всякой вкуснятиной (картошкой с селедкой, бутерной колбасой) и отправили в специальном по такому поводу выделенном для игр одно из просторных помещений, откуда столы были вынесены.

Мы по очереди играли на "взрослом" бильярде, потом затеяли какие-то шумные игры... Мое внимание привлек крепкий парнишка лет десяти, который с нами не разговаривал, но периодически издавал какие-то странные, нечленораздельные звуки. Обладая хорошим слухом, я несколько раз очень удачно, судя по всеобщему одобрителному смеху, повторил его "мычание". Громче всех смеялась девчонка, и это страшно вдохновляло меня.

Разве мог я, семилетний, догадаться, что парнишка-то глухонемой?! Увы мне! На третьей или четвертой моей "пародии" он неожиданно схватил меня за шиворот и что было сил швырнул в дальний угол комнаты. Может быть, все закончилось бы несколькими синяками, которые с моего тщедушного тела никогда не сходили, но во время "полета" я зацепился за опрокинутый стул и влетел лицом в угол кафельной печи. Физиономия моя мгновенно превратилась в сплошное месиво, хлынула кровь, я услышал крики рядом и потерял сознание...

Очнувшись я от боли. Мама, совершенно белая, обмывала мое распухшее лицо и заставляла полоскать рот. С водой я выплюнул все свои зубы! Слава Богу, зубы были молочные, и через некоторое время выросли новые, но тогда мысль о новых зубах мало утешала меня.

Нужно ли говорить, что для нас с мамой веселье на этом закончилось? В предоставленной начальником по такому печальному поводу машине мы поехали домой.

За время нашего не слишком долгого отсутствия во дворе произошло некоторые события. Как всегда, напился несчастный без-

ногий инвалид, причем неумеренное поглощение им спиртного проходило по уже известному всем соседям сценарию. Столько лет прошло с тех пор, а я до сих пор часто с горечью вспоминаю этого несчастного парня, со своей тетушкой занимавшего в "коммуне" на втором этаже маленькую комнатку с окном, выходящим на площадку перед дворовым туалетом.

Шестнадцатилетним мальчишкой, когда немцы с румынами подошли к Одессе (на дворе стоял жаркий август 1941 года), круглый сирота Жора убегает на фронт и каким-то образом оказывается в отряде морской пехоты. После кровопролитных боев он на одном из последних отходящих судов со своим отрядом переправляется в Севастополь. Во время одной из яростных контрак в районе Мамаева кургана Жора наступает на мину...

Жить Жоре больше не хотелось, поэтому медперсоналу нескольких госпиталей, в которых он находился "на лечении" после ампутации ног, приходилось глаз с него не спускать и кормить, особенно сначала, буквально насильно.

Через некоторое время Жора стал поспокойнее, несколько окреп и в конце апреля прибыл в Одессу, имея на груди орден Красного Знамени, медали "За оборону Одессы", "За оборону Севастополя" и "За отвагу", а также небольшой рюкзачок со сменной бельем и новеньким бушлатом. Ему еще, кажется, и двадцати к этому времени не исполнилось...

От костылей Жора категорически отказался еще в госпитале и ходил на жутко поскрипывавших протезах, грузно опираясь на палку и по-утиному переваливаясь.

Раз в месяц Жора отправлялся за причитающимися ему пенсией по инвалидности и "наградными", которые тогда еще выплачивались. В такой день возвращался он домой только к вечеру, и двор, видя направляющегося на покой молодого инвалида, который едва держался на своих "ногах", замирал в ожидании чего-то ужасного: обычно выдержанный и вежливый, Жора после похода за пенсией и принятия изрядной дозы водки становился не просто невменяемым, но и крайне опасным...

Сначала двор оглашали пронзительные женские крики, доносившиеся из Жориной "коммуны": "Помогите! Пожар! Горим!!!" Потом раздавался треск ломаемой мебели, звон разбиваемой посуды. Сгорая от любопытства, в ожидании зрелища вслед за взрослыми мы, пацаны, устремлялись по железной грохочущей лестнице на второй этаж флигеля, откуда неслись эти звуки. Еще издали были слышны какой-то безумный хохот — это смеялся Жора — и его крик, заглушавший женский визг:

— Я вас, падлы, всех сожгу! Вы мне, де-

шевки румынские, и за Одессу, и за Севастополь ответите!..

Кому он это кричал — своей старой и больной тетке, единственному родному человеку? Или другим таким же старухам?..

Но уже горел подоженный Жорой кухонный столик, явственно чувствовался запах разлитого керосина, что требовало быстрого вмешательства. Появлялся дворник дядя Леня с двумя сыновьями, упомянутыми мною ранее. Несмотря на отчаянное сопротивление, они быстро укладывали несчастного безногого буяна на пол и тщательно связывали заблаговременно припасенными веревками. Жора продолжал угрожать всем и страшно матерился еще минут пять, потом начинал плакать, очень жалобно всхлипывая и подывая. Еще через пять минут он крепко спал. Зрители, заполнившие коммунальную кухню, расходились, несколько разочарованные...

Точно так происходило все и в этот праздничный день, только "концерт", начатый Жорой, получил неожиданное продолжение: неизвестно, из-за чего, подрались сыновья дяди Лени. Дрались они ожесточенно и самозабвенно, выкрикивая при этом страшные ругательства. Казалось, бойня эта не прекратится никогда, но вмешался отец буянов. То, что покрепчал Ваньку, он "вырубил", ударив по шее черенком лопаты, а Колю уложил мощным ударом в нос. После этого он набрал в дворовой колонке ведро воды, которой и "оживил" наследников...

Все это рассказал мне мой друг Витька, стараясь не смотреть на мое опухшее и измученное йодом лицо.

— Вот почему, уважаемые коллеги, — заканчиваю я свой рассказ, — словосочетание "праздник со слезами на глазах" вызывает у меня невольную улыбку. Ведь именно таким и почувствовал я этот поистине великий праздник в далеком 1945-м, и не в переносном, а в самом что ни есть прямом смысле. С праздником! С Великой Победой!

02.02.2015 г.

P. S. Перечитал написанное и почувствовал, что не сказал самое важное — для меня, потомственного одессита, праздник этот входит в число трех самых главных, которые располагаются (по значимости) следующим образом:

- 1) День Победы;
- 2) День освобождения Одессы;
- 3) мой день рождения.

Таковым является мой личный выбор.

А. Г.

Фото Олега Владимировского.